

Мальшева Н. В.
N. V. Malysheva

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

EXPERIMENTAL INVESTIGATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru

Ms. Natalia V. Malisheva – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya Str., ap. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru

Аннотация. Традиционно фразеологические единицы определяются как словосочетания, чьё переносное значение отличается от значений входящих в него компонентов. В данной статье дается обзор зарубежных и отечественных психолингвистических исследований по выявлению механизмов производства и обработки фразеологических единиц.

Summary. Fixed phrases (phraseological units) are traditionally defined as phrases whose figurative meaning is distinct from that of their component words. This paper gives a thorough review and analysis of foreign and Russian psycholinguistic studies of the mechanisms of phraseological representation and processing.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, стратегии, восприятие, интерпретация, обработка, идиоматичность, мотивированность.

Key words: phraseological unit, idiom, strategies, perception, interpretation, processing, processing, idiomatcity, motivation.

УДК 81-111.4

Функционирование фразеологических единиц (ФЕ) в лексиконе человека не может быть объяснено с точки зрения традиционной лингвистики. Почему идиомы, обладающие ограниченной как лексической, так и синтаксической продуктивностью, активно трансформируются в речи? Что способствует опознаванию таких модификаций, как «фразеологический осколок» [5], когда «фразеологизм сжимается до “предела” и приближается к пределу словосочетания – слову» [3]? Почему комплексное значение идиом опирается на значения одних компонентов при игнорировании значений других? Возьмем, к примеру, выражение *to hear something straight from the horse's mouth* (услышать что-либо из первых рук). Словосочетания *to hear something* и *straight from* сохраняют свое прямое значение, в то время как компоненты *the horse's mouth* не участвуют в номинировании всего выражения.

В связи с тем, что традиционная лингвистика не может дать ответы на подобные вопросы, представляется закономерным обращение к носителям языка, к продуктам их пользования языком, к изучению применяемых при этом стратегий и опорных элементов, к моделированию процессов понимания и производства речи в условиях владения одним и более языком [4, 25].

Работ, исследующих природу, механизмы и стратегии восприятия и обработки ФЕ в лексиконе человека, достаточно много. Как отмечает А. А. Залевская, «в них преследуются различные цели и ставятся разные вопросы. Одних авторов интересует вопрос, хранятся ли идиомы в специальном “отсеке” лексикона или функционируют просто как специфические лексические единицы; другие пытаются выяснить, какой путь “прочтения” идиомы человек выбирает первым: буквальный или переносный; некоторых авторов волнует, разлагаются или не разлагаются фразеологизмы на составляющие их компоненты в процессе понимания;

для кого-то, прежде всего, важны лежащие за пониманием идиомы базовые когнитивные процессы; исследуются также разнообразные стратегии и опоры, используемые при понимании ФЕ» [4, 196].

Активное изучение фразеологии характерно для американской лингвистики. S. Bobrow, S. Bell [10] и С. Cacciari, P. Tabossi [11] считают, что идиомы первоначально воспринимаются в своем буквальном значении и лишь при несоответствии ее значения контексту извлекаются из специального словаря «идиом». D. A. Swinney, A. Cutler [15] приходят к выводу, что интерпретация идиом происходит одновременно при учете буквального и переносного значений. Так, информанты не реагируют быстрее на слово *heat* при прочтении фразы *blow the stack*, требующей буквальной интерпретации. R. Gibbs [12] придерживается противоположной точки зрения, согласно которой изначально из сознания носителя извлекается переносное значение идиомы, затем буквальное.

Во множестве эмпирических работ исследовалась метафорическая мотивация идиом. В них применялись различные психолингвистические методы и методики, чтобы узнать, как происходит типичное и естественное осмысливание идиом, и каков механизм этого осмысления. В исследованиях, проводимых на выявление корреляции между метафоричностью и переносным значением [12, 106], было доказано, что фигуральное значение идиом частично мотивируется различными концептуальными метафорами, причем данные метафоры не являются мертвыми, как считает традиционная лингвистика. Большинство информантов (75 %) без затруднения могли сформировать ментальный образ идиом типа *blow your stack*, *spill the beans*, *flip your lid*, *get hot under the collar* и ответить на вопросы, актуализирующие их внутреннюю форму. При этом лингвисты отметили высокую степень устойчивости реакций носителей, выражающуюся в совпадении таких концептуальных метафор, как *mind is container*, *ideas are physical entities*, *anger is heat* и др. В результате данных экспериментов R. Gibbs пришел к выводу, что в случае, когда знание информантов об идиомах не структурировано различными концептуальными метафорами, наблюдаются незначительные совпадения в ответах носителей о причинах и следствиях действий, вызванных их буквальной интерпретацией [12, 106].

R. Gibbs также полагал, что понимание немотивированных идиом требует от реципиентов некоего анализа компонентной и синтаксической структур выражений, который выявлялся через ответы на вопросы: имеют ли компоненты независимое значение, способствует ли это верной интерпретации выражения и т.д. Если операция по первичной идентификации была неуспешной, носители обращались к переносному значению. В данном случае им требовалось значительно больше времени на обработку немотивированных фразеологизмов, однако, как отмечает сам автор, анализируемые идиомы понимаются с той же скоростью, что и неанализируемые (например, *pop the question* и *kick the bucket*) [12, 98].

M. Libben и D. Titone [13, 1103-1115] провели серию экспериментов, в которых описали экстралингвистические факторы, влияющие на обработку идиом: знание фразеологического фонда языка, частотность компонентов, входящих в состав устойчивого выражения. Авторы сделали ряд интересных выводов. Во-первых, частотные слова способствуют более быстрой интерпретации идиом. Во-вторых, лингвисты обнаружили корреляцию между знанием идиом носителями и скоростью их интерпретации. Так, более известные фразеологизмы (*it slipped her mind*, *he kicked the bucket*, *he cracked a joke*) прочитываются быстрее, нежели малознакомые (*he rushed his fences*, *she curled her lips*, *she took the veil*).

Интересным представляется вывод о том, что хорошо знакомые идиомы с малочастотными компонентами опознаются носителями быстрее [13, 1105], что, на наш взгляд, вполне объяснимо, поскольку наличие высокочастотных слов в распространенных синтаксических моделях приводит к большей вероятности совпадения идиомы со свободным словосочетанием (например, *she drove him nuts*). В данном случае носителям требуется дополнительное время на выбор стратегии прочтения словосочетания: буквальной или переносной.

В отечественной фразеологии проблемами функционирования ФЕ в сознании носителя занимается ряд ученых. Так, Д. О. Добровольский и Ю. Н. Караулов выявляют фразеологический фонд языка на основании результатов ассоциативного эксперимента, что позволяет им выделить корпус «подлинно живых фразеологизмов в отличие от фразеологизмов, по традиции кочующих из словаря в словарь и воспринимаемых большинством носителей языка как весьма экзотические единицы» [2, 98], а также сделать ряд важных выводов относительно функционирования фразеологизмов в сознании носителей. Авторы утверждают, что вне контекстного употребления фразеологизм почти всегда отождествляется как фразеологизм, а не как коррелирующее словосочетание (например: *сесть на мель*, *остаться за бортом*

являются «идиомами и только идиомами»). Для того чтобы они были прочитаны буквально, нужен определенный контекст, например: *Корабль сел на мель, и пришлось ждать буксира или Потерпевший долго оставался за бортом, и поэтому ему срочно понадобилась врачебная помощь.* Этот факт лингвисты объясняют тем, что носители стараются избегать в речи одинаково звучащих словосочетаний. Амбивалентные прочтения встречались лишь тогда, когда реакции содержали не полный фразеологизм, а его осколок. Например: *пальцем – в небо* – идиома, хотя опущен глагол *попасть*; *пальцем – в рот* – амбивалентно, так как сочетание можно достроить и до идиомы *пальца в рот не клади*, и до словосочетания *пальцем во рту ковырять*. Помимо этого, Д. О. Добровольский и Ю. Н. Караулов разграничивают живые и мертвые единицы. Согласно их точке зрения, живые единицы обрабатываются стандартным образом, нелинейно, не поэлементно, нестрого в одном направлении слева направо, а начиная с любого элемента и в любом направлении, в то время как мертвые единицы одномерны, обрабатываются единственным порядком – линейно, слева направо.

Следующий вывод касается того, как хранятся фразеологизмы в памяти носителя языка. Авторы считают, что в сознании носителей присутствует лишь некий «обломок» ФЕ, либо единица, не входящая в компонентный состав, а связанная с фразеологизмом ассоциациями по сходству или смежности. Также ими отмечается, что варьированность и преобразования ФЕ свойственны не только их контекстному употреблению, но заложены в самой природе владения ими. Так, при сведении влияния контекста к минимуму наблюдаются все типы текстовых преобразований: субституция компонентов, их словообразовательная и словоизменительная варьированности, расширение компонентного состава и его сужение, материализация внутренней формы.

Анализ моделей переработки идиом представляет О. С. Шумилина [9], проводящая экспериментальное исследование особенностей восприятия и переработки английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами с привлечением русскоязычных информантов, владеющих английским языком в условиях учебного билингвизма. Рассмотрение дефиниций, полученных на слова-стимулы, позволило автору сделать вывод о том, что идентификация значения иноязычной ФЕ осуществляется по его образной основе, внутренней форме или его отдельным компонентам. Анализ полученных результатов позволил выявить универсальные и специфические стратегии, реализуемые в процессе интерпретации фразеологизмов. К числу универсальных О. С. Шумилина относит: мотивирующую стратегию, прямую дефиницию, стратегию категоризации, метафоризации, конкретизации через синоним-симиляр, идентификации значения через объект или через субъект действия, иллюстрации примером. Стратегии контекстуальной субституции, идентификации от противоположного, десимволизации, межъязыковой координации, компонентного членения, компонентной замены и буквализации значения являются специфическими для фразеологии, поскольку их использование обусловлено её особенностями. Автор отмечает, что в ряде случаев большие сложности возникают в отделении одного типа стратегии от другого, так как при восприятии реальных языковых единиц «своеобразие фразеологической семантики приводит к параллельному использованию в процессе идентификации ФЕ ряда стратегий. Вследствие этого их разграничение оказывается в определенной степени условным, а иногда и не представляется возможным» [9, 95].

Проведенный О. С. Шумилиной эксперимент также показал, что даже те английские ФЕ, семантические эквиваленты которых широко распространены в родном языке информантов, воспринимаются неоднозначно, что обусловлено самой природой фразеологического знака, имеющего ассоциативную основу. При восприятии неизвестной ФЕ происходит «процесс субъективного фразеологического переосмысления, при котором погашаются одни семы и актуализируются другие, оказывающиеся максимально значимыми для данного индивида» [9, 98].

В диссертационном сочинении Е. С. Грянкиной [1] исследуется семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе. Автором отмечается, что в условиях ненаправленного отсроченного эксперимента фразеологизмы чужого языка легко интерпретируются как образные выражения в силу парадоксальности, необычности ситуаций, зафиксированных в них. Вслед за О. С. Шумилиной она признает, что при восприятии решающую роль играет общность/различие образов, ситуаций, зафиксированных в русском и английском фразеологизмах, а также сходство/различие лексического состава. В ряде случаев опознавание строится с опорой на семантику стержневого слова во фразеологизме, в результате чего порой происходит ложное опознавание, а именно подгонка аналогов на основе формального сходства лексем,

входящих в состав русских и английских фразеологизмов. Например, на фразеологизм *knock someone into a cocked hat* (букв. *загнуть кого-либо в треугольную шляпу*) – русск. *разнести в пух и прах* – информанты предложили русские фразеологизмы, имеющие в качестве грамматически стержневого компонента глагол «загнуть, вогнать»: *загнуть в угол, загнать в тупик, вогнать в краску* и т.д. Признавая преобладание семантической переработки, автор тем не менее указывает на важность структурной стратегии при идентификации английских фразеологизмов, поскольку «механизм восприятия знакомой фразеологической единицы несколько иной, чем незнакомой, отсутствует определенная “пошаговость” в её идентификации, тогда как при обработке незнакомой единицы информант вынужден соотносить её с тем или иным значением, опираясь или на структуру, или на прямое значение компонентов, составляющих фразеологизм» [1, 85]. Под структурной стратегией понимается идентификация ФЕ одного языка по аналогии с грамматической моделью, по которой образована единица другого языка, например: *rise with the lark* (букв. *вставать с жаворонком*) – русск. *вставать с петухами*.

В работе Т. В. Пономаревой проводится комплексное экспериментальное исследование ФЕ разной степени фразеологизации в когнитивном аспекте: 1) кодифицированных – сформированных и «узаконенных» в словарях ФЕ; 2) трансформированных – различного рода преобразованных ФЕ; 3) потенциальных – сочетаний слов, проходящих начальную стадию фразеологизации, приобретших некоторые свойства фразеологизмов [7].

Автором делается ряд выводов:

Трансформированные фразеологизмы (ТФЕ) находятся ближе всего к кодифицированным по степени опознания по сравнению с потенциальными ФЕ, но дают больше других разброс при ассоциировании. Это представляется вполне закономерным вследствие природы этого типа ФЕ: возможности буквального и переносного прочтения значения значительной части типов ТФЕ, поскольку Т. В. Пономарева отмечает тенденцию к восприятию данных единиц в прямом значении при ассоциировании.

Сделав предположение о том, что опознание ТФЕ носителями зависит от типа трансформации, автор провела психолингвистический эксперимент и получила интересные результаты. Так, из всего количества опрашиваемых в среднем только 52 % носителей языка отреагировали на исследуемые единицы, 48 % составили либо отказы, либо реакции на другие единицы, либо соотнесенность не с теми исходными ФЕ, с которыми предполагалось. Большая часть (81,44 %) реакций равномерно распределилась по всем типам ТФЕ. Это расходится с исходной авторской гипотезой, согласно которой восприятие ТФЕ носителями языка зависит не от того или иного типа трансформации фразеологизма, а от других факторов.

О. С. Шумилина также исследовала влияние контекста на стратегии идентификации ФЕ носителями русского языка [9]. В рамках самой фразеологической теории утверждение о контекстной независимости ФЕ носит характер постулата [5], принимаемого, но не доказываемого.

С позиций теории речевой деятельности, трактующей слова как единицы индивидуального лексикона, утверждается, что фактически не бывает так называемого «изолированного» слова при его восприятии человеком: «любое опознаваемое слово немедленно включается в контекст некоторого акта глубинной предикации, отражающий предшествующий опыт оперирования этим словом в процессе речемыслительной и коммуникативной деятельности» [4, 17]. Данное высказывание в полной мере можно отнести к любой единице номинации, в том числе и ФЕ.

ФЕ предъявлялись испытуемым в двух режимах: изолированно и в контексте. Контекст ограничивался одним предложением, был нейтральным, то есть не содержал семантических коррелятов ФЕ (слов или словосочетаний, семантически близких ФЕ), хотя допускалось присутствие слов, способствующих идентификации значения фразеологизмов. Автор отмечает, что, несмотря на столь минимальный контекст, «некоторые информанты пытались соотносить исходную единицу с ее непосредственным окружением» (интересно было бы узнать количественную представленность реакций, репрезентирующих данную группу). Анализируя полученные субъективные дефиниции, автор выделила вербальные ключи, послужившие основой идентификации: 1) *внутриязыковые* – при идентификации ФЕ как раздельнооформленных единиц; 2) *межъязыковые* – грамматическая структура, компонентный состав или отдельные компоненты фразеологизма; 3) *контекстуальные* ключи – отдельное слово из ближайшего окружения, сочетание слов или ближайший контекст. О. С. Шумилина сделала вывод о том, что при изолированном предъявлении ФЕ информанты опирались на внутренние языковые ключи в сочетании с межъязыковыми, но основной акцент чаще всего

делался на межъязыковые ключи. Характер материала (имеются в виду нейтральные контексты) не позволил лингвисту определить роль контекста при идентификации ФЕ. Это связано, на наш взгляд, с тем, что единицы были помещены в искусственные контексты, не отражающие реальное функционирование фразеологизма в речи.

Вопрос о переводе ФЕ и фразеологических трансформаций на иностранные языки в русле антропоцентрической парадигмы мало изучен. В. А. Пищальникова пишет: «В процессе разработки психолингвистической модели перевода необходимо исследовать восприятие текста реципиентами и его интерпретацию с учетом совпадений и расхождений в контекстуальных системах носителей различных языков. Одной из закономерностей восприятия и порождения речи является наличие конвенциональных ассоциаций у носителей того или иного языка и принципиальное сходство части ассоциаций у носителей разных языков» [6].

Представив обзор экспериментальных исследований, считаем необходимым отметить изменение тенденций в изучении фразеологии различных языков. Произошло смещение акцентов изучения с интра-экстралингвистических факторов, таких, как контекст, идиоматичность, ассоциативность, структура идиом, на экстралингвистические. Все чаще лингвисты говорят о влиянии возраста, пола, образования, эрудированности реципиентов, в частности, знании фразеологического фонда языка, распространенности устойчивых выражений и т.д.

Нам также хотелось бы подчеркнуть возможность и крайнюю необходимость изучения фразеологии с позиций когнитивного и психолингвистического подходов: «Пытаясь постичь неизведанное, мы можем спуститься в бог весть какие глубины, но это будет чисто теоретическое путешествие, ибо наше восприятие ограничено физиологическим устройством человеческого организма... И задача исследователя найти этот порог экспериментальным путем» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грянкина, Е. С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка (на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Грянкина Е. С. – Барнаул, 2004. – 163 с.
2. Добровольский, Д. О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. – М.: Редакция АСМ, «Помовский и партнеры», 1994. – 116 с.
3. Ермакова, Е. Н. Импликация как форма движения от фразеологизма к слову / Е. Н. Ермакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 52-57.
4. Залевская, А. А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований / А. А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 1996. – С. 23-39.
5. Кунин, А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки / А. В. Кунин // Вопросы фразеологии английского языка: сб. науч. тр. Вып. 168. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. – С. 158-183.
6. Пищальникова, В. А. Речевая деятельность как синергетическая система / В. А. Пищальникова // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 1997. – № 2. – С. 72-79.
7. Пономарева, Т. В. Фразеологические единицы в когнитивном аспекте: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Пономарева Т. В. – М., 2001. – 180 с.
8. Трофимова, Е. Б. В поисках абсолюта... / Е. Б. Трофимова // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. ст. Под общ. ред. Л. М. Босовой. – Барнаул, 2000.
9. Шумилина, О. С. Вербальные опоры идентификации английских глагольных фразеологических единиц носителями русского языка / О. С. Шумилина // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 94-99.
10. Bobrow, S. On catching on to idiomatic expressions / S. Bobrow, S. Bell // *Memory & Cognition*. – 1973. – № 1. – P. 343-346.
11. Cacciari, C. The Comprehension of Idioms / C. Cacciari, P. Tabossi // *Journal of Memory and Language*. – 1988. – Vol. 27. – № 3.
12. Gibbs, R. Idiomaticity and Human cognition / R. Gibbs // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. – P. 97-116.
13. Libben, M.R. The Multidetermined Nature of Idiom Processing / M. R. Libben, D. A. Titone // *Memory & Cognition*. – 2008, 36 (6). – P. 1103-1121.
14. Omazic, M. Processing of idioms and idiom modifications / M. Omazic // *Phraseology: an Interdisciplinary Perspective* / edited by Sylviane Granger, Fanny Meunier. – John Benjamins Publishing Co., 2008. – P. 67-81.
15. Swinney, D.A. The access and processing of idiomatic expressions / D. A. Swinney, A. Cutler // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1979. – № 18. – P. 523-534.